

Николай Углов

*Спологи
юности*

Николай Углов

Сполохи юности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23100296

ISBN 9785448379970

Аннотация

В книге охвачен период жизни героя с 16 до 26 лет. Неустроенность, хулиганство, пьянки... Как же юноше выбраться из этого круговорота жизненных коллизий?

Содержание

Гл.1 Взросление	5
Гл.2 Свой дом	15
Гл.3 Хулиганы	30
Гл. 4 Учителя и соседи	49
Гл. 5 Выбор пути	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сполохи юности

Николай Углов

© Николай Углов, 2017

ISBN 978-5-4483-7997-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гл.1 Взросление

Жестокие годы войны катком прошли по судьбам людей в СССР. Не миновали они и нашу семью. Мы жили на Кавказе в городе Кисловодске. Служили офицерами в Красной Армии отец с двумя старшими братьями. Мать работала медсестрой в санатории.

Наступили военные годы. Фронт неумолимо двигался к Кавказу. Многие эвакуировались. Стало известно, что немцы интернируют евреев, семьи политработников и командиров Красной армии. Мама с нами – двумя малолетними детьми (я с братом Шуркой), тоже эвакуировалась в Сибирь. Остановились мы в одной из деревень Новосибирской области. В первый же год войны погибли два брата отца, а в 1942 году мать получила похоронку и на нашего папу.

Мы были устроены в детдом, а затем в интернат, т.к. мать (она была инвалид с детства) работала на лёнзаводе практически круглые сутки – Красная армия очень нуждалась в продукции завода (шинели, нижнее бельё, рукавицы, портянки и т.д.)

К концу войны мама из-за непосильного труда тяжело заболела, и её уволили с работы. Нас с братом сразу же выписали из интерната и начались мучения нашей семьи: скитание по квартирам, непрерывный голод, отсутствие одежды

и обуви, холод, неустроенность.

Мы были на грани смерти от постоянного голода. Мать выбивалась из сил и вынуждена была, чтобы сохранить нас, сойтись с местным жителем-сибиряком Пастуховым Филиппом Васильевичем, который имел бронь от службы в армии. Через год родился ещё один наш брат – Сергей. Мама через два года, когда чуть подрос малыш, начала теребить отчима, умоляя ехать на свою родину – в Кисловодск. Но Филипп Васильевич не хотел покидать родную Сибирь и всячески откладывал поездку. Когда дело дошло до развода, он всё же решился.

Мама написала письмо в Кисловодск какой-то бывшей соседке и с горечью узнала, что в нашем доме на улице Овражной живут какие-то люди.

И вот мы в Кисловодске.

Мама решила:

– Едем к моей двоюродной сестре Кате Колпаковой. Я уверена – она приютит нас на время. А мы будем хлопотать, чтобы нам возвратили наш дом. Есть только одна загвоздка. Перед войной мы с отцом поменяли наш родовой дом на улице Революции на Овражную. Там жили Старковы. Документы не успели оформить. Теперь доказывай! Но ничего – разберёмся!

Колпаковы жили на улице Почтовой. Это почти рядом с улицей Революции.

Нас встретили хорошо. Слезы, объятия, разговоры. Дали комнату. На следующий день мать начала подавать документы в исполком на возвращение дома. Там волюнили, требуя документы.

Дом Колпаковых располагался в великолепном саду. Запах спелых яблок, слив, чудесных жёлтых груш, запах вишнёвого варенья, которое варили в медном тазу, стоящем на керогазе – всё это великолепие южной щедроты лета теперь окружало ежедневно нас. Моя одногодка Неля – дочка Кати, уверенно руководила мной в саду. Мы собирали плоды, ягоду, поливали грядки и цветы. Я отъедался дарами юга. Было радостно на душе. Быстро привыкали к новым для нас местам. Мы шутили с Нелькой, обливались из шланга тёплой водой, гонялись друг за другом в большом саду, хохотали по любому пустяку. Юность и задор молодости распирали нас беспричинным весельем. Отец Нельки был инвалидом войны – он вернулся без ноги. Одноногому дяде Косте не нравились наши игры, шум, крик. Мы явно нарушали его покой и он, вероятно, начал выговаривать Кате за нас неприятные вещи. Сама тётя Катя – крупная, мясистая, добрая, очень жалела нас и дружила с матерью, но не могла устоять против мужа.

Через два месяца мы переселились на улицу Революции к материнной куме – Фроловой Нюсе. Мы поселились в под-

вальном помещении, а наверху жила кума со своим непутёвым сыном, бросившим учёбу. Его звали все почему-то Лобиком.

Филипп Васильевич устроился работать кочегаром. Мы жили теперь рядом со своим домом №116, который в войну перекупили у матери Старковы. Рядом находилась школа №7, в девятый класс которой я и пошёл с 1 сентября.

Шурка проучился две недели и бросил школу, стыдясь своей плохой одежды и обуви, страдая от насмешек. Мне же без него стало ещё хуже. Особенно тяжело было пережить перемены. Я не знал, куда себя деть! Кинулся было к Нельке (она тоже училась в параллельном девятом классе), но здесь, в школе, она была куда великолепнее меня, смелее, общительнее. Одета, обута лучше, всегда в окружении подруг, которые хихикали и с интересом разглядывали меня. Да и она, может, конечно, мне показалось, теперь сторонилась меня. Я отшатнулся от неё и замкнулся в себе.

Очень любил уроки физкультуры. Здесь доминировал баскетбол. В баскетболе всё решает ловкость, быстрота реакции, скорость. В каждом дворе Кисловодска есть корзина и почти все ребята играют хорошо. На уроках физкультуры, разбившись на команды, мы ежедневно играли в баскетбол. Сверстники все высокие, ловкие, так и перебрасывают мяч друг другу, а мне не достаётся, всё не ухвачу его, со мной

никто, как с партнёром, не считается. Всё это меня бесит, я злюсь, стараюсь изо всех сил, ношусь по всей площадке, нагло выхватываю мяч у рослого красавца Червякова или ловкого Павлова и бегом с ним к кольцу. Бац – мимо! А сзади хохот, все схватились за животы, катаются. Оказывается, я сделал «пробежку» – т. е. ни разу не ударил мячом об пол. А надо ударять через каждые два шага.

Как-то раз пришёл домой поздно вечером – ни матери, ни Шурки не было дома. Тихо зашёл в калитку и вижу следующую картину. На освещённой веранде раскрасневшийся, вероятно, выпивший отчим о чём-то оживлённо беседует с кумой, шутит, хватает за руки. Затем он пытается её свалить и обнимает. Она слабо сопротивляется, но затем сдаётся. Они выключили свет в веранде, а я тихо вышел со двора.

Пастухов и здесь был в своём репертуаре! Я на этот раз ничего не сказал матери, но она, видно, и сама догадывалась о внебрачных связях Пастухова, опять начавшихся на Кавказе.

Через некоторое время мы ушли от кумы. Перешли на квартиру опять к соседям – Хромовым. Хозяйка двора – дородная бабка весом 120—130 килограммов и не менее полнотелая её дочь Еличка с мужем Васей жили наверху, а нам сдали подвал. Видя нашу бедность, добрая бабка разрешила нам даже держать в катухе сада свинью, которую мы

купили на базаре. Не каждая хозяйка пошла бы на это – нюхать во дворе «прелести» кабана! Бабка и дочь нигде не работали, ничего особо не делали, они сидели дома и жирели день ото дня. Сад у них был огромный, но запущенный.

Мужа Елички – Васю, мы почти никогда не видели. Он работал даже в выходные дни в пригородном совхозе трактористом. Каждый день одна и та же картина. Часов в одиннадцать вечера приходит с работы Вася. Загремел кирзовыми сапогами по деревянной лестнице наверху над нами, значит, побежал с двумя вёдрами к колонке на углу улицы за водой! Сходит за водой, умоется в рукомойнике, начинает себе жарить картошку, а уже ночь на дворе! Жена и тёща не следили за ним, и ему самому приходилось ещё и стирать себе грязные рубахи! Я всегда жалел его и возмущался терпению и спокойствию:

– Зачем такая ему жена, только деньги ждёт!

Филипп язвил:

– Дурак потому что! Но ты погоди, может, и у тебя ещё почище будет! Не кипятись, рога обломает какая-нибудь! Сейчас они все ушлые! Не такие вприсядку пляшут перед ними!

Мы росли опять в голоде. Всё время хотелось есть, а дома никогда ничего не было пожрать.

Вот и Новый год прошёл, а радости никакой. Даже снега здесь нет настоящего. То пойдёт, то растает, грязь одна, а не зима! А вот во Вдовино зима была, так зима!

Всё больше метался, тосковал, учился на одни тройки, ничего не хотел делать, дерзил матери и Филиппу, уже раза два-три так схватился с Шуркой, что летели табуретки! Такого у нас с ним не было в Сибири! Я стал упрямым, как тот бык Борька во Вдовино, настырным. В школе съёжился в тугую пружину, не подходи! Грубил всем, задирали, постоянно кидался в драку. Незаслуженно обзывал Шурку сопляком, и по этому поводу мы стали драться с ним. Он тоже жестоко страдал от этой новой жизни и не знал, куда себя деть, чувствовал себя ненужным. Филипп по пьянке постоянно ругал нас, обзывал халдеями и тунеядцами. Во мне рос протест против всего этого! Мать жаловалась на меня приходившей к нам почти ежедневно куме. Та укоризненно качала головой и тоже бранила меня:

– Если так будешь вести себя, ты превратишься в дурака. Видел – на нашей улице ходит Толик Красильников? Ему уже под сорок, а он всё на губах играет марши и песни разные. Все с него смеются, а ему хоть бы что! Или как мой сын будешь! Тоже дурак не лучше! Бросил учёбу, курит, пьёт, гуляет с девками, не хочет работать! Разве можно так? Вы же из какого пекла вышли? Из какой бедности вылезли, из голода, и не хочешь учиться? А мать почему обижаешь? Ну и ха-

рактерец у тебя! И в кого ты такой вышел? Володя, твой отец, золотой мужик был! Спокойный, уравновешенный, добрый к семье и людям. Всегда, помню, от него слышишь: «Нюсейчик, Нюсейчик... Ты устала? Я сейчас помогу, принесу, быстро сделаю. Не волнуйся, всё будет хорошо!» Вот как любил мать и вас!

При упоминании имени отца мне становилось ещё скучнее, грустнее и ещё больше не хотелось здесь учиться и жить. Я уже всерьёз подумывал о возвращении на Шегарку, но где взять деньги на дорогу?

Ухожу в горы, рыдаю, молюсь Богу, опять плачу и проклинаю всё на свете. Душа мечется, на сердце оцепенение.

– «Жаль погибшего отца, жаль себя! Ненавижу всех и вся, ненавижу Филиппа и мать, всё противно мне. Что делать дальше? Как жить и стоит ли жить? Кто я и что стою в этой постылой жизни? Зачем существую?»

Решаюсь умереть.

«Но как? Хватит ли сил? Может броситься со скалы? Нет, уйду в горы за Кабан и заблужусь, умру от голода».

Решение созрело.

«Пойду в Сибирь пешком, а потом уже умру. А вдруг не дойду, погибну где-нибудь, и никто не узнает, кто я?»

Решил сделать татуировку, чтобы узнали, когда погибну. Напишу на левой руке – Коля Углов. Не знаю, как делают татуировку. Иголку окунаю в тушь и выкалываю на руке – Коля. Помешал Пастухов, застал меня за этим занятием, начал ругаться и едко высмеивать. Мне стало противно, дурно, стыдно, кинулся смывать. Слово чётко не получилось, но на всю жизнь осталась размытая и еле видимая надпись.

По-прежнему нет друзей. Как мне тяжело без них!

Горечь об утере отца сливается с безысходной тоской по Вдовино, Шегарке, по друзьям, которые остались там. Сердце мечется, душа стонет в тоске по родным местам.

– «Нет, только туда, только туда! Надо, надо ехать! Там жизнь, здесь смерть! Как только вырваться из этого ада?»

Наколка на руке напухла, и мать боялась заражения, а Филипп всё насмеялся. Я готов был наложить на себя руки, ревел:

– Дай, мама, денег на дорогу! Я хочу уехать назад! Мне здесь не нравится! У меня нет друзей! Я не могу жить без них!

И это сработало! Мать, действительно, поняла, что нужно

парнишке в шестнадцать лет! Друзья, только друзья поддерживают интерес к жизни в это критическое время взросления!

Гл.2 Свой дом

К матери всё время ходила соседка Беляева – красивая, тихая и незаметная женщина. Они, видно, переговорили, и она как-то привела в гости к нам своих сыновей, близнецов Федьку и Володьку. Они стали моими первыми друзьями здесь на два года и спасли меня от стресса! Но в силу их хулиганского нрава чуть не пошёл за ними по «кривой дорожке». Братья были так похожи, что даже мать их иногда путала! Но я сразу отличил Федьку, у которого был небольшой шрам на шее.

Придут, поздороваются. Только после того, как загляну под шею, отвечаю им. Белобрысые, с торчащим ёжиком волос, курносые, хулиганистые ребята тянули меня всё сильнее. Они тоже признали меня, полюбили, стали ежедневно навещать к нам, как когда-то наш Афонька во Вдовино. Я тоже посещал их маленький приземистый домишко. Он и сейчас такой же, совсем вырос в землю на улице Революции под номером 124, второй от края.

Их отчим, отставной офицер Семён Иванович, красивый, грамотный, держал много кроликов. Он как-то сказал мне:

– Эх, Коля, Коля! Связался ты с моими обормотами! Смотри, чтобы они тебя не довели до тюрьмы! У них это на лбу написано!

Как он оказался впоследствии прав! Федька и Володька были младше меня на два года, еле дотянули на тройки седьмой класс в нашей же школе и больше учиться не пошли. Весёлые, хрипатые, вечно рыгочущие, они постоянно были заняты мыслями, как провести день, где что украсть, где нахулиганить.

Запомнился один случай. Как-то с Шуркой нагрузились по полмешка угля в кочегарке у Филиппа Васильевича. Уже поздно, идти в гору неохота. Шурка говорит:

– У нас есть шестьдесят копеек. Заплатим по тридцать копеек и доедем на автобусе до дома.

– Но ведь до дома шесть остановок. Одна остановка пятнадцать копеек. Надо только одному человеку девяносто копеек!

– Ничего! Может кондукторша не заметит!

Подошёл красно-жёлтый автобус. Толстая тётка кондукторша рывкнула:

– Остановка «Санаторий Горняк!».

В автобус хлынули женщины с сумками, корзинами и узлами. Это домой на Будённовку возвращаются повара, официантки и кухарбочие с ближайших санаториев по проспек-

ту Ленина. И сразу автобус наполнился запахами борща, котлет, макарон. Все эти продукты успешно крадутся местным населением со столов курортников. Проехали две остановки, и кондукторша орёт на нас:

– Ребята! Вы заплатили за две остановки! Вылезайте! Мы молчим. Она продолжает негодовать:

– Вылезайте, я говорю! Ещё и с мешками!

Я съёжился, а Шурка вдруг взорвался:

– Ну, нет у нас денег!

Какой-то пьяный мужичок поддержал нас:

– Да довези их тётка! Хочешь, я спою тебе за них песню! Кондукторша кричит, смеясь:

– А деньги-то у тебя есть самого? Если есть, заплати за детей! Мужик вытащил пачку денег и сунул её под нос кондукторше:

– Чего лыбишься? На! Возьми, хоть все!

И заорал на весь автобус:

«Ой, мороз, мороз, не морозь меня!»

Все рассмеялись и автобус тронулся. На остановке «школа №7» пьяный мужик начал выходить, качаясь, заорал ещё громче песню:

А под окном кудрявую рябину, отец рубил по пьянке на дрова...

Кондукторша кричит на него:

– Да выходи же скорее! А то отправлю автобус!

Мужик обернулся, запел ещё веселее и, качнувшись, вышел наружу.

Дверь ещё не захлопнулась, а автобус тронулся. Раздался крик, автобус трянуло, как на кочке. Люди закричали:

– Мужика раздавили!

Все выскочили из автобуса. Голова мужика попала под заднее колесо и лопнула, как арбуз. Страшное зрелище!

Уверенность в своих силах и нерешительность боролись во мне. Уже заканчивая девятый класс, пока не мог преодолеть деревенскую стеснительность, отводя глаза при встре-

че с соседским девчонками сёстрами Фроловыми – Валькой и Надькой. Но в школе всё более привыкал, смелел и уже не раз хватал за косы девчонок в классе.

В школе у меня не заладились отношения с химичкой Варварой Фёдоровной. Невзлюбив её, я возненавидел и химию, по которой у меня теперь были двойки и тройки. Варвара – худая, чернявая, с едким скрипучим голосом, напоминала мне сибирскую Елизавету Микрюкову с оттопыренным задом. С Варварой у меня началась настоящая война. Она уже не раз выставляла меня из класса, вызывала мать в школу. Но моё упорство и упрямство в борьбе с ней, как ни странно, укрепляло мои позиции в классе. Теперь уже и городские ребята начали замечать меня. Два эпизода.

Однажды на перемене, когда ко мне пристал и грубо толкнул на виду у всех один здоровенный парень – армянин, я с такой решительностью и смелостью петухом наскочил на него, выставив левое плечо и сжав кулаки, что он, молча, позорно отступил.

Как-то Варвара что-то записывала мелом на доске, обернулась. Кто-то шумел и она, не разобравшись, в очередной раз необоснованно выгнала меня из класса:

– Кто разговаривает? Опять Углов? Вон из класса!

Я в этот раз не был виноват, но не выдавать же мне Варваре виновника? Молча вышел. Чем отомстить? Мелькнула дерзкая мысль. Я забежал в туалет, где обычно втихомолку курили старшеклассники, намочил руки и выскочил во двор школы. Начал карабкаться по водосточной трубе на второй этаж, рискуя слететь. Но, ничего, труба выдержала! И вот уже от угла по выступу хватаюсь за отлив окна и открытую створку. Выглядываю, Варвара отвернулась к доске и пишет формулы. Я подтягиваюсь на руках, меня увидели, зашущукались, захихикали. Все очень довольны. Что будет? Тихо залез, спрыгнул, сел за парту с Мишкой Скворенко. И тут Варвара обернулась, заметила меня, на мгновение окаменела, а затем вспыхнула, всё поняв! Крикнула:

– Идиот!

– и выбежала из класса! Всё! Моя победа! Урок сорван, химичка сбежала! Авторитет мой после этого случая, как и рассчитывал, вырос! У меня и в школе появились друзья.

Первый среди них Мишка Скворенко. Высокого роста, сероглазый, с волнистыми волосами, это был хороший парень. У него был свой велосипед, и он теперь часто давал мне покататься. Мы всё больше сходились с ним и становились настоящими друзьями, нигде не расставались. Правда, мне казалось, что он был чуть высокомерен и снисходителен ко мне. Мишка был явный лидер, а я преданно смотрел ему в глаза.

И ещё запомнил два события весны 1955 года. Мы уже закончили девятый класс. В субботу была посадка деревьев вдоль улицы Почтовой (сейчас Гайдара), примыкающей к седьмой школе. Проезжая теперь частенько на машине за родниковой водой в горы по этой улице, с грустью смотрю на огромные клёны, ясени, липы, которые сажал наш класс и вспоминаю тот денёк.

Было очень тихо, тепло, солнце. Мы со смехом, весельем, копали ямки, прикапывали, поливали саженцы. Заигрывали с девчонками, гонялись друг за другом, обливались водой. Самая красивая девчонка в нашем классе Валька Городова. Все были равнодушны к ней! У колонки в самом конце улицы Почтовой, на пересечении с улицей Кисловодской, мальчишки поймали её и облили с ног до головы тёплой водой. Она вырывалась, визжала, хохотала, но мы ещё больше обливали её водой! Облегавшее платье чётко выделяло стройное девичье тело, бёдра, груди. Курносенькая, синеглазая, со светлыми мокрыми кудряшками волос, она была великолепна! Весь класс любовался ею, а она гонялась за нами и поочерёдно обливала тоже всех водой. Такой и запомнилась мне эта редкой красоты и телосложения девушка!

Через год, едва окончив десятый класс, Валька Городова.... умерла! Она от кого-то забеременела и неудачно сде-

лала аборт на дому. Эта грустная весть поразила нас всех.

В воскресенье весь наш класс пошёл в поход. Мы прошли вдоль речки Белой по ущелью до самых гор. Я впервые был в окрестностях города так далеко, и мне очень всё там понравилось. Сейчас-то там нечего смотреть! Вдоль речки располагается карачаевский посёлок Белореченский, выше – дачи, а в самом верху дорога на Олимпийскую базу. Весь лес вдоль речки вырублен, всё загажено. Мусорные свалки, оползень испортил весь рельеф местности, нелепые строения, скот, грязь. А тогда была красота неопиcуемая!

Мы встретили несколько небольших, но диких водопадов, над нами нависали скалы, журчала чистейшая вода, которую мы пили ладошками. Сплошные заросли орешника, в которых было много гнёзд сорокопутов. Интересная эта птица! Она чуть больше скворца, но сильная и хищная. На шипах колючего кустарника мы видели наколотых сорокопутами высохших мышей, маленьких птичек и даже горлиц. В настоящее время в окрестностях Кисловодска не встретишь сорокопутов – всё и вся оттеснил и испортил человек.

Все шутили, смеялись, задирали друг друга. Ребята лазили по кручам и пугали оттуда девчат, сталкивая камни. Мои одноклассницы – рослые, красивые городские девчата тоже «не лезли в карман за словом», не робели перед ребятами,

как наши Вдовинские девчонки а, наоборот, задирали их. Я впервые в этом походе почувствовал себя равнѐй со всеми, хотя многие ещё держали себя со мной надменно и высокомерно.

А вскоре произошло радостное событие: нам отдали дом! Судебные исполнители, два дюжих мужика, к нашей неописуемой радости выкинули дряхлые комоды и сундуки каких-то неприветливых людей. Как говорили потом соседи, эта была пьющая и нигде не работающая семейная пара. Справедливость, наконец, восторжествовала! Мы вошли в свой дом. Я ликовал:

– Мама! Неужели это правда? Наконец-то мы заживѐм, как люди! Одна, вторая комната, веранда, кладовка, погреб, сад?

Мы с Шуркой радостно кричали, бегали, заглядывали во все уголки долгожданной хаты.

– А какой красивый пол! Крашенный – в яркий красный цвет! Как легко будет теперь его мыть! Не то, что во Вдовино, скоблили ножами. Вот здорово!

В маленьком саду на двух сотках было несколько грядок, великолепная яблоня «Виноградка», алыча, абрикоса, вишня, слива и смородина. В конце сада был туалет, во дворе

курятник. Всё это теперь наше! Кончились наши мытарства на квартирах! Мать от радости непрерывно плакала, а Филипп Васильевич, тоже от радости... пил! От соседей не было отбоя. Со всей короткой улицы Овражной и с Будённовки, где была улица Революции, шли и шли люди! Женщины тоже плакали с матерью, мужчины поздравляли нас.

Я удивлялся и думал:

– «Как много всё-таки хороших людей на свете! А сколько друзей и знакомых у матери! Просто сочувствующих, доброжелательных! Спасибо вам, люди!»

И все люди с подарками! Кто тащит старый стол, стулья, тумбочки. Кто-то дал две кровати, одежду, обувь, простыни, коврики, горы посуды. Вскоре всего было полно! Только не зашла в гости к нам со второго этажа нашего дома бабка Шубиха! Она почему-то невзлюбила нас ещё до войны, когда мать сменяла наш родовой дом на улице Революции на эту хату, на улице Овражной, чтобы быть поближе к санаторию Орджоникидзе, где она работала. Мама была инвалидка с детства – сильно хромала на левую негнущуюся в коленке ногу. Шубиха постоянно подглядывала сверху за нами, сипела, плевалась. Преотвратительная всё же личность! Что мы ей сделали плохого? Много, много ещё в России завистливых людей!

С переездом в свой дом нам сразу стало легче – проклятая нужда чуть отступила. Со временем купили курей, два поросёнка, стали появляться кое-какие свои вещи. Через два года к нам переехали две родные бабушки – Оля и Фрося, которые проживали в Кабарде.

Филипп Васильевич перешёл работать на стройку плотником. В центре города строилась огромная центральная больница.

Мать управлялась по дому и воспитывала годовалого горластого Серёжку. Шурка той же осенью ушёл в армию. Служил он в авиации, в городе Молодечно (Белоруссия). Прислал этой же зимой фотографию. Стоит в шапке-ушанке, ватнике и пимах, а руками в зимних рукавицах сжимает настоящий автомат! Кругом снежный лес. Вокруг рамки фотографии летят самолёты, внизу дула артиллерии и танков, а сбоку написано вязью:

– И в дальнем краю солдат не дрогнет в бою, смело и храбро защищая Родину свою!

Да, Шурка уже настоящий солдат! Я горжусь им! Молодчина!

Этим летом к нам приехал четвёртый брат отца – дядя Вася. Он не был на фронте, т.к. имел бронь – был партийным и работал директором рыбзавода на Сахалине. После смерти жены покинул остров и теперь жил в Куйбышеве по ул. Бебеля 8. Значительно постаревший, больной, он с трудом передвигался и волочил ногу. Смерть жены и братьев сильно подействовали на него. Где-то к нему подвизалась молодая особа с дочкой Ольгой моих лет. Дяде Васе необходима была женщина для ухода за ним. Но она, как показала их дальнейшая жизнь, лишь транжирила его сбережения и не особенно-то беспокоилась о нём. С Василием Ивановичем в мы очень подружились – я не расставался с ним! Как будто чувствовал, что это первая и последняя наша встреча! Два эпизода.

Идём с дядей Васей и Ольгой из города под железнодорожным мостом на Кирова. Заходим в нарзанный бювет, пьём нарзан, отдыхаем на скамьях. Он всё время рассказывает о нашем отце и братьях, вспоминает их, горюет. Обговариваем с ним и нашу дальнейшую жизнь, вспоминаем Сибирь, делимся планами. Спрашивает меня:

– Коля! Всё-таки решил, кем будешь?

– Лётчиком, только лётчиком хочу быть! Мне так нравится эта профессия!

– Да? Всё-таки лётчиком? Хорошая мечта, но... Уверен, будут препятствия и подвохи на твоём пути. Главное – пройти медкомиссию: уж больно ты мал и худ. Всё может быть. Но ты не отчаивайся. Если не получится, стань хорошим строителем, каким был твой отец до армии! Вчера смотрели мы с тобой в парке его здание – третий корпус санатория Орджоникидзе. Он был там десятником, т. е. главным строителем. Какая мощь! Какая архитектура! Сотни лет будет стоять это здание в камне! Вечная память твоему отцу в этом здании!

Заходим в магазин на углу улицы Желябова. Дядя Вася даёт мне деньги и говорит:

– Я постою на улице. А ты купи себе, Коля, что хочешь. Икры, сыру, конфет, печенья.

Это для меня сказочные яства – я отнекиваюсь. Но Василий Иванович легонько и дружелюбно подталкивает:

– Иди, иди! Не стесняйся!

На прилавках магазина в большом количестве чёрная и красная икра, шоколад, ноздреватый сыр. Эти продукты никто не покупает по причине их дороговизны. И вдруг я?

Растерялся, мнусь и не могу заказать толстой и хмурой продавщице такие дорогие продукты. А вдруг подумает, что

я где-то украл деньги? Она уже кричит на меня:

– Чего молчишь? Что тебе надо?

Выручает Ольга. Она смело заказала всё, что ей понравилось.

С Олей мы сошлись быстро. Это была контактная, симпатичная, белокурая девчонка.

Вечерами дядя Вася разрисовывал нам с Олей фотографии и картины. А больше рисует нам всякие этюды и портреты – это у него здорово получалось!

В последний день перед отъездом дяди Васи устроили ужин с вином. Нам с Олей дали тоже по стакану лёгкого вина – мы опьянели. Отпросились гулять в парк. Идём, взявшись с Олей за руки, чуть захмелевшие, гордые. Я в белой рубашке, рукава засучены, беспричинно много говорю и смеюсь, горжусь, что рядом со мной девушка. Кажусь себе теперь очень значительным и важным. Лёгкий тёплый вечер, звёздное небо, запах цветов в парке – всё было значимо и запоминаемо. Мы радовались друг другу: оба были в восторге и смеялись от счастья.

Отношение Жени – матери Оли, к дяде Васе становились

всё хуже и хуже по мере убывания его денежных сбережений. Дядя Вася очень грустил по первой жене. Вздыхал, вспоминая нелёгкую судьбу Володи, а его самого подстерегала неотвратимая судьба. Здоровье его с каждым днём ухудшалось. В значительной степени этому способствовала его новая молодая жена, которая, растранив его деньги, начала от него гулять, сначала втихую, затем открыто.

Гл.3 Хулиганы

По весне в Свиной балке, по соседству с Беляевыми, многие окрестные жители заготавливали саман для строительства. Снимают плодородный чёрный слой земли до глины, затем вскапывают глину, добавляя солому и воду, всё тщательно перемешивают – «тесто» готово! Обычно участвует в замесе вся семья. Ходят бабы босиком, подоткнув подолы, друг за другом по кругу, ходят мужики и дети. Все мешают ногами глину с соломой. Это трудный и тяжёлый процесс! Затем в деревянные ящики размером в 4—6 кирпичей с размаху, чтобы было плотнее, наляпывают тесто, предварительно смочив дно водой, уплотняют, соскребают вровень с бортами и отвозят верёвками сырой кирпич в сторону на просушку. Переворачивают, вытряхивают и складывают пирамидкой (с отверстиями между кирпичами), чтобы саман сох быстрее. Труд тяжёлый, но зато саман обходится очень дешёво, и дома из него стоят по сотне лет.

Так вот, однажды братья Беляевы мне говорят:

– Колька! Пойдём в Свиную балку, мы тебе покажем такое! Понравится, сам попробуешь!

Пошли по горе. Почему-то залегли за небольшими кустиками. Выглядывают. Говорят:

– Подождём, уже собираются. Уходят. Не высовывайся!

Я ничего не понимаю, но жду. Внизу, под горой по пыльной дороге проходит несколько человек. Беляевы выждали немного и вдруг сорвались с гиканьем вниз! Разбежались с горы и прыгнули прямо на пирамидку из сырого самана! Я оторопел! Они вновь и вновь разбегаются и прыгают с хохотом на саман, разрушая пирамиды. Орут:

– Присоединяйся! Знаешь, как здорово! Не бойся, никого нет! Никто не узнает!

Я испугался не на шутку! Кричу им:

– Это же подлость! Как не жалко труд людей!

Кричу им, отзываю! Всё бесполезно! Разметали, расшвыряли, размесили, уничтожили весь саман! Выпачкались в глине до невозможности. Одни шальные глаза блестят! Хотят до одури!

Кто-то показался на дороге. Я давно наверху в кустах, а Беляевы кинулись смываться. Бегут по кустам на речку Белую, отмываться и очищаться.

От дури сколько сгубили труда людского! Я больше никогда не ходил с ними туда, сколько они не просили! Удивляет! Ни разу не попались они, а то бы не сносить им головы!

Начав дружить с Беляевыми, я постепенно смелел, обвыкался в новой обстановке, всё более и более укреплял свои позиции и достоинство. Своей дерзостью и наглостью братья Беляевы вселяли и в меня всё больше и больше уверенности! Мысль о том, что теперь не один и у меня есть грозные друзья, которые всегда придут на помощь, вселяла в меня спокойствие. Нет, никогда не участвовал полностью в их подлых поступках, не был так нагл и смел, но начинал и сам по-настоящему хулиганить!

С химичкой Варварой Фёдоровной опять начались стычки. Мы с Мишкой дружно боролись с ней и принципиально не учили химию. Как-то я рассказал об этом друзьям Беляевым. Оказывается, они из-за неё бросили школу. Созрел план мести. У Варвары был великолепный сад, в котором созревали зимние груши. Поздним октябрьским вечером втроём перелезли через невысокий каменный забор. Тишина. Темно. Жутковато, так как ни один листочек на высоченых грушах не шелохнётся. С хрустом обламываем переспелые ножки крупных тяжёлых плодов, без труда нащупываемых в темноте. Груш великое множество. Они тяжёлыми гроздьями согнули ветки. Быстро набрали в мешки груш столько, что стало тяжело висеть с ними на сучьях. Я спускаюсь, отношу свой мешок, а затем и их мешки перекидываю за забор. Федька и Володька всё время шумят, гогочут,

я их еле сдерживаю. Весь дрожу от страха и нетерпения, а им хоть бы что! Я впервые здесь ворую в чужом саду. Зову их, они совсем обнаглели! Благоразумно оттаскиваю все мешки через дорогу и отношу их далеко в лопухи к оврагу. А затем перепрыгиваю опять в сад, зову братьев. А в саду шум стоит невероятный! Володька и Федька свесили сверху голые задницы и оправляются, весело регочут друг над другом! Вдруг один из них с шумом и треском летит вниз – сучок обломался! Рёв, хохот! На веранде мгновенно вспыхивает свет и почти одновременно выбегает на крыльцо в одних трусах мужик и из двух стволов гроыхает в нашу сторону выстрел! Ужасный в ночи шум от выстрела! Дробь прошелестела рядом. Второй Беляй с криком и ойканьем кулём свалился сверху, ломая сучки и мелькая голой задницей. Изо всех сил бегу к забору, теряя чёрную фуражку, а впереди и сбоку, подбирая штаны, несутся прыжками перепуганные курносые братья («курнали», так их звали). Только через полчаса угомонились все окрестные собаки и мы, пересвистываясь, собрались втроём у оврага, хохоча и матюкаясь. В мягком месте задницы у Федьки застряли две крупинки соли, и он целый день просидел в тазу с водой – отмокал.

Дня через два Володька говорит мне:

– Колька! В воскресенье пойдём на базар продавать груши. А потом устроим кутёж, купим «Хересу». Надо отметить твоё первое крещение в чужом саду!

В воскресенье вылезаем из автобуса №2 (он был, кстати, единственный в то время на весь город) с четырьмя вёдрами груш на рынке. А Варвара, видно всё рассчитала! Смотрим, она стоит на остановке и ждёт нас. Резко подходит к нам:

– Что? Груши чужие привезли продавать, субчики?

Я потерял дар речи, а Федька с Володькой, не растерявшись, схватили вёдра и исчезли с ними в толпе.

– На, Углов! Возьми свою фуражку!

– как ни в чём не бывало, примирительно сказала Варвара и надела на мою понурую голову чёрную засаленную старую кепку. Она, видно, запомнила меня в ней и обо всём догадалась.

У Беляевых был баян, на котором они играли довольно хорошо, так как закончили курсы баянистов. Но мать и отчим, очень образованный и грамотный мужчина (не в пример Филиппу Васильевичу), теперь не одобряли их увлечение баяном. Почему? Их стали активно приглашать на вечеринки, свадьбы, дни рождения. Оттуда они приходили навеселе.

– Курналы проклятые! Ведь сопьются, как два старших брата! – ворчал Семён Иванович.

Старшие братья уже сидели в тюрьме и мать с отчимом нещадно работали на производстве, чтобы прокормить этих. Да и дома держали семьдесят кроликов. Часто посылали в тюрьму своим непутёвым посылки. Сколько помню, мать Беляевых идёт с гор, согнувшись, и несёт большую вязку травы для кроликов. И так всю жизнь проносила до смерти, а дети по очереди сидели в тюрьмах! Старший Николай просидел в общей сложности 27 лет, Витька 20 лет. А вскоре подошла очередь моим друзьям Федьки и Володьки! Вовремя я откололся от них! И сидят-то по мелочам! То где-то по пьянке поскандалят, подерутся. То велосипед уведут, то в парке с кого-то сдёрнут шапку и т. д. А мать всю жизнь мучается, мается с ними.

Семён Иванович (полковник в отставке), думаю, из любви и жалости жил с ней. Стыдно было ему за таких её детей!

Я (слева) с Мишей Скворенко.

Я очень полюбил баян. Конечно, это не наша деревенская гармошка! Приду к ним, прошу:

– Гармошка деревенская наша всё равно лучше баяна! Куда баяну до неё! Но всё же, сыграй, Федька, «Камаринскую»!

Только скажи им! Федька и Володька сами любят играть! Сядет на кровать Федька, склонит голову к баяну, растянёт меха и пошёл жарить! То плясовую, то танго, то вальс, только носом шмыгает всё время и глазами так, по особенному, косит! Сильно увлекается игрой! И неплохо получается у обоих! Молодцы! Ничего не скажешь, таланты!

С Беляевыми не соскучишься. Всё время тянут меня в ка-

кие-то переделки. Как-то приходят, говорят:

– Колька! Сегодня идём на дело! Ты не бойся, будешь на атанде! Вон, напротив вас винзавод. За забором склад пустой тары. Мы днём из рогатки уже разбили лампочку на столбе. Наберём пустых бутылок, сдадим и будем пить «Херес» и «Портвейн»! Сторож там, видно, вечно пьяный и спит внутри цеха. Мы уже всё проверили. Два вечера приходили, стучали по забору, никто не отзывается.

И, правда, напротив Овражной улицы был небольшой винзавод «Самтрест». Там готовили разные вина и коньяк. Подходим поздно вечером. Склад тары не освещён – Беляи постарались! Забор из досок не особенно высокий. Федька с Володькой перепрыгивают, складывают из ящиков в мешки пустые бутылки. Я на улице – на атанде! Всё получилось! Начали повторять. На заводе, видно, не было никакого учёта и там не замечали исчезновения бутылок. Становилось весело. Выпивка, друзья, нас тянуло на подвиги.

Поначалу выпивал мало, чтобы не заметила мать. Беляи опять начали наглеть. Они остались верны себе! Наберут бутылок, перекинут через забор мне и опять туда! Начинают реготать, хохотать, шуметь – валят ряды с пустыми ящиками. Грохот, шум поднимается, пока не выскочат соседи на лай собак или сторож ахнет из ружья, просунув ствол через форточку. Бутылки братья таскали к себе, но несколько раз принесли и ко мне. Шубиха спала на веранде и заметила

нас с пустыми бутылками. Она сказала об этом матери. Что тут началось! Мать расплакалась:

– Что ты делаешь, Колька! Ты что, в тюрьму хочешь? Чтобы я на дух здесь твоих Беляевых не видела!

Филипп Васильевич вторил:

– Если ещё раз полезете на винзавод за бутылками, сам заявлю в милицию!

Это подействовало! Я понял, что мы с Беляевыми заходим слишком далеко, и это добром не кончится. Категорически отказался от набегов на винзавод.

Как-то вечером Беляи приходят ко мне, и Вовка говорит:

– Колька! Сегодня пойдём хохмить! Не бойся, будет очень интересно! Пошли в «Медик»! Будем швырять булики и дразнить сторожа!

На краю курортного парка, рядом с городом, располагалось большое здание клуба медработников. Днём там занимались в десятках кружков и секциях сотни человек, взрослые и дети. Это был в то время один из основных источников культуры в Кисловодске. Впоследствии его снесли и не построили больше подобного прекрасного очага культуры в городе!

Так вот, большой старинный клуб стоял прямо под горой.

Крыша была жестяная. Наверху, на горе были кусты. Очень удобно прятаться. Приходим поздно вечером, когда все уже прекратили занятия и в клубе остался один сторож. Набираем в карманы много буликов (камней) и давай швырять по крыше клуба. Грохот неимоверный! Мы хохочем. Сторож выскочит, поорёт, поорёт, успокоится и назад заходит. Мы опять кидаем камни на крышу и регочем. Сторож в ярости начинает палить из ружья, а нам хоть бы что! Лежим в кустах за бугром в канавке и хохочем. И так много раз повторяли, и всё сходило с рук! Как и на винзаводе!

Однажды поздним вечером возвращались домой, основательно позлив сторожа. Идём напрямую через парк, веселимся, вспоминаем подробности. Подошли к санаторию Орджоникидзе. Он стоит на горе. Дорога к нему вьётся серпантином. Около котельной стоит большая тачка. С тонну груза могла она вместить! Видно, на ней подвозили со склада к топкам котлов уголь. У Беляев созревает решение:

– Колька! Смотри! Серпантин проходит левее. За котельной только небольшие кустики. Давайте все втроем разгоним тачку вниз под гору. Там только целина и крутой уклон. Тачка может долететь до улицы Декабристов или до винзавода! Вот будет хохма!

Схватили тачку. Сначала тихо, а затем всё быстрее пока-

тили под гору. Как понеслась вниз тачка напрямую по целине, ломая кусты! Всё быстрее и быстрее! Шум, грохот такой, что забрехали собаки на всей Будённовке. А тачка так ахнула внизу, врезавшись и проломив деревянный забор винзавода, что зажглись огни в окнах близлежащих домов! Всех разбудили! А нам весело, ржём, катаемся по земле! Долго потом вспоминали:

– Как здорово получилось!

Беляевы в очередной раз придумали этим летом новое:

– Колька! Идём на озеро купаться! Мы взяли две бутылки «Хереса». Выпьем, покатаемся на лодке, попрыгаем с вышки.

В западной части города находилось довольно большое озеро. Говорили, что его сооружали после войны всем городом. Тысячи людей работали безвозмездно, копая и отвозя грунт вручную! Соорудили трибуны на тысячу мест, проводили соревнования пловцов и гребцов. На лодочной станции было более сотни прекрасных лодок. Разбили парк, дорожки, насыпали песочный пляж, соорудили навесы. Работала столовая и буфет. Тысячи горожан с детьми отдыхали там летом! Бардак современных властей прокатился и здесь! Сейчас озеро заросло лесом, всё разрушено!

Так вот, приходим, купаемся в семейных трусах, так как плавок в то время не было. Беляевы прыгают с десятиметровой вышки! Притом, как попало: и вниз головой, по-всякому! Ничего не боятся! Несколько раз у них слетали трусы. Они только хохочут, ловят их в воде, пока не утонули, одевают. Я же начинаю с пятиметровой, затем семиметровой вышки. Беляи орут:

– Колька! Не бзди! Прыгни с десятиметровой!

Залезаю на самый верх! Ужас! Как можно – вниз головой? Ни за что! Долго и нерешительно стою на верхней площадке. Беляевы внизу регочут:

– Давай! Смелей! Прыгай!

Зажмурив глаза, «столбиком» прыгаю вниз! Нормально! Только чуть пятки отбил. Со временем прыгнул и вниз головой. Беляевы, накупавшись и напрыгавшись, кричат мне:

– А теперь будет самое главное! Пошли заказывать лодку, покажем тебе высший трюк и шик!

Заплыли втроём подальше от трибун в конец озера. Беляи достают две бутылки «портянки» из сумки. Говорят:

– Пить будем так. Становишься на самый нос лодки, от-

купориваешь бутылку, падаешь медленно в воду как столб, не шевельнувшись и не складываясь. Пьёшь вино до самого вхождения в воду и в момент погружения надо успеть пальцем заткнуть бутылку, чтобы сохранить вино, а самому не захлебнуться!

Что и говорить, рискованный трюк! Беляевы прыгают просто великолепно! Они не впервой, видно. Второй-третий раз повторяют трюк, а затем раскупоривают вторую бутылку:

– Давай, Колька! Твоя очередь! Не бойся! Давай, давай!

У меня ничего не получается! Но вина я успел хлебнуть и сохранил оставшееся. Сколько хохоту! Нам нравится это развлечение! Люди на лодках собрались вокруг нас, смотрят, тоже смеются. Сколько геройства было в этом! Надолго запомнились мне эти оргии на воде! Ещё раза три мы приходили на озеро.

Как-то вечером сидели у Беляевых дома, отдыхали. Они играли мне на баяне по очереди свои любимые мелодии. Матери и отца не было дома. Мы потягивали столь любимый ими «Херес». Закончился, показалось мало. Федька говорит мне:

– Денег у нас всего рубль. На него «Хересу» не купишь,

только «Портвейн»! А вот «портянки» в нашем магазине «Станпо» на Революции нет, только на Широкой. Давай, Колян, дуй за вином! Ты старше – нам не дадут. Только бегом!

Знал бы я, чем может обернуться эта покупка мне! Я чуть не угодил в тюрьму! Прибежал в магазин на улице Широкой, успел. Уже поздно, в магазине никого нет. Продавец – чёрный, молодой, красивый армянин, посмотрел на меня и протянутую смятую рублёвку, сказал мне:

– Парнишка! Ты уже пьян, я тебе не продам вино! Во вторых, тебе нет восемнадцати лет! Иди отсюда!

Что-то взыграло во мне! Неожиданно даже для себя непонятная дерзость и смелость вырвались наружу:

– Нет, продашь! Я тебе что говорю – дай бутылку «портянки»!

Продавец отвернулся. Я начал приставать. Он резко крикнул:

– Не дам! Уходи!

Тогда, не совладев со своими нервами, и не помня себя от ярости, выхватил из кармана перочинный нож, которым только что у Беляевых открывал «Кильку в томатном соусе», яростно закричал:

– Ну, Ашотик, держись! Не быть тебе сегодня живым! Не выйдешь отсюда!

Продавец дёрнулся, побагровел, но сдержался. Я вышел из магазина и начал демонстративно прогуливаться перед освещёнными витринами магазина. Прошло с полчаса. Магазин должен был уже давно закрыться, но продавец почему-то медлил. Он забеспокоился, наблюдая через окна за мной. Это вызвало у меня ещё большую агрессию:

– «Ага, гад! Боится меня! Трусит».

Теперь я, засунув руки в карманы, остановился напротив освещённого витража и грозно смотрел на продавца. Непонятное упорство не проходило. Самолюбие ликовало: продавец, видно, не на шутку струхнул! Народу не было, лишь редкие покупатели заходили в магазин. Армянин о чём-то гово-рил с единственной женщиной, тоже, видно, продавщицей.

Это меня начало веселить. Гнев прошёл, выпить давно расхотелось, а к Беляевым домой уже, наверное, со второй смены пришли мать и отчим. Надо было уходить домой. Женщина зашла за прозрачную тюлевую занавеску и о чём-то долго говорила по телефону. Я начал соображать, что «де-

ло пахнет керосином». Отошёл от освещённых окон и потихоньку перешёл на противоположную сторону улицы. Стал в тёмном углу у почтового отделения. Почти сразу же к магазину подъехала милицейская машина. Из неё вышел милиционер с четырьмя дружинниками. Они зашли в магазин. Я быстро перебежал через улицу на территорию парка санатория «Москва» и там вдоль ручья побежал на Овражную.

Как-то мать наварила ленивых вареников. Садимся ужинать. На столе вареники и две маленькие стеклянные баночки со сметаной. Тогда их выпускали в небольшой расфасовке. Приходит пьяный Пастухов. Сразу вызверился на меня:

– Жрать ты мастер, а работать не хочешь! Ишь, сметаной его кормишь! Халдей!

У меня всё вспыхнуло внутри! Как он надоел своими попреками! Не думая о последствиях, схватил баночку со сметаной и плеснул ей в лицо Филиппа! Сметана залила глаза, покатилась по бровям, щекам и зависла на усах. Отчим не ожидал этого, и оторопело заморгал. Мать сначала испугалась, а затем рассмеялась – так был смешон Филипп Васильевич. Я выбежал из комнаты в сад и не стал ужинать.

После этого случая отчим перестал попрекать меня едой.

Вся молодёжь города в то время в субботние, воскресные дни собиралась на Пятачке. Довольно широкий спуск от железнодорожного вокзала шёл как бы в тоннеле. По обе сто-

роны ни одного строения (сейчас проход застроен магазинами), только высокие подпорные стенки в зелени, оббитые плющом и диким виноградом. Машины по этой короткой улице не ездили, она существовала только для пешеходов. Улочка шла к центру города и заканчивалась у знаменитой Коллонады. Это и был наш Пятачок.

Валом идёт молодёжь туда-сюда. То в гору, то с горы. Все здороваются друг с другом, останавливаются группами, зыркают по сторонам, ища свою симпатию. И так весь вечер: вперёд – назад! Многие «подшофе», мы с Беляевыми в том числе.

На Пятачке была главная группа заводил – банда человек тридцать во главе с молодым красивым армянином с золотыми зубами и первой наркоманкой города Милкой. Всегда пьяные, весёлые, шумные, они обращали на себя внимание. Да, это слово «Милка-наркоманка» я услышал впервые тогда от Беляевых. Тогда наркоманов ещё не было. Милка была развязной и грубой девчонкой с мальчишескими манерами. Всегда в штанах и мужской клетчатой рубашке, в мужской кепке и кедах на босу ногу. По виду, настоящий парень! Мальчишеская причёска, всегда курит, пьяная, чумная, весёлая, постоянно матерится. Вызывающе громко смеётся на весь Пятачок, не стесняясь никого! Всегда рядом с ней золотозубый чернявый красавец-армянин.

Я очень хотел попасть в их компанию! Как-то здесь же – на Пятачке (в тени пяти сосен за углом гастронома), мы

здорово выпили с Беляевыми. Я опьянел, осмелел, подошёл к Милке и её красавцу, что-то весело сказал приятное для них, затем ещё и ещё. На меня обратили внимание! Золотозубый покровительственно похлопал меня по плечу, сказал:

– Как зовут?

– Николай!

– В каком районе живёшь?

– На Будённовке!

– Значит, Будённовский опоимец? Ничего, ничего, там много шпаны. Хороший хлопец! Будешь в нашей шайке!

И захохотал громко:

– Теперь держись нас!

Я был на седьмом небе! Раза три после этого ещё ходил на Пятачок, и сразу к ним!

Но как-то краем уха услышал, что кто-то из них попался на большой краже, то ли со склада, то ли из магазина. Я понял, что следующего на воровство могут послать меня. Я прекратил походы на Пятачок. А тут вскоре подоспело другое время – поступление в техникум.

Противно и стыдно вспоминать всё это, но «из песни слова не выкинешь!». Будет у меня ещё в молодости несколько гнусных поступков, но, думаю, что это составляет в итоге гораздо меньший процент от моих других, порядочных дел в этой жизни.

Гл. 4 Учителя и соседи

Привыкнув к городской школе, стал в десятом классе учиться значительно лучше. На уроках физкультуры Каду-рин нещадно тренировал нас. Я опять полюбил физкультуру, уже с удовольствием гонял «баскет», бегал, прыгал, метал гранату.

Алгебру, геометрию и тригонометрию преподавал медлительный и степенный, с густой волнистой шевелюрой, носатый Лев Яковлевич Гизерский, прозванный Мишкой Скворенко «дер Лёва».

Мишка всем давал прозвища. Я у него был «Цока» – от грузинского «Кацо».

Люблю спокойных людей! Потому что, видимо, сам не такой. Вкрадчивым голосом, неспешно передвигаясь у доски с неизменной папироской в зубах, «дер Лёва» толково объясняет мудрёные математические науки. Прошли десятки лет. С густой поседевшей шевелюрой, он медленно прохаживается с женой под руку вечерами по городу и попыхивает также папироской. Меня он не узнаёт, да и я не подхожу к нему. Зачем? Он сейчас, естественно, за плату готовит абитуриентов у себя на дому. И не было случая, чтобы платили ему задаром – все поступают! Толковый математик!

Историю и географию преподаёт Евгений Сергеевич Виноградов. Одновременно является лектором общества «Знание», пишет в местной газете статьи про краеведение, любит политику. Он с пафосом, увлекаясь, говорит об истории мира и Советского союза, много рассуждает на политические темы. Это меня тоже очень волнует. Я люблю, как и литературу, этот предмет, знаю его хорошо и нередко вступаю с ним в диалог. Временами мы с ним, забывшись, громко спорим несколько минут, а весь класс слушает. Виноградов консервативен в мышлении и пытается навязать своё мнение.

Любил я учительницу физики – тихую и незаметную Федосию Кузьминичну Черепанову. По физике у меня были пятёрки. Она меня всегда хвалила и приводила в пример. Лет через тридцать пять она с удивлением узнает во мне того ученика и расплачется.

Ну, а самую любимую дисциплину – литературу, преподавала гордая, «вся из себя» Калерия Михайловна Киселёва. Мы за глаза звали её Калерой. Она, как когда-то в Сибири моя любимая учительница Ольга Федосеевна, всегда ставила мне только пятёрки, к великой зависти отличников!

Всю эту зиму я продолжал дружить с Мишкой Скворенко. На большой перемене неизменно складывались пополам и покупали в школьном буфете за семьдесят копеек пахучую слойку. Разрезали её пополам и с наслаждением съедали. Ка-

кие же вкусные были тогда слойки! После уроков Мишка приезжал почти ежедневно ко мне на Овражную, и мы катались по очереди на его велосипеде. Я безумно полюбил велосипед! Мог часами выглядывать из-за забора, ожидая с нетерпением Миху. И вот он показывается, несётся сверху, с улицы Войкова, где и сейчас живёт. Долговязый, в неизменных серых брюках и серой рубашке – я полюбил его! Как-то в воскресенье он пригнал ко мне велосипед и говорит:

– Цока! Можешь весь день кататься. Я иду по делам к родственникам. Вечером сам пригонишь ко мне!

На Овражной и соседних улицах кататься было тяжело: уклон, спуски, подъёмы. К тому же в то время все улицы были не покрыты асфальтом. Поэтому поехал к своей школе – там ровно. Гонял вокруг школы по асфальту – довольно большой круг. На одном из поворотов из-за угла школы вдруг выскочил маленький пацан. А я нёсся, дай Боже! Чтобы не сбить его, врезался на всём ходу в стену школы! Переднее колесо было смято в лепёшку, а я головой протаранил стену. Кровь, боль, слёзы, обида, еле поднялся. А мальш, чуя недоброе, уже ускакал. Побежал с исковерканным велосипедом к матери и, плача, попросил:

– Мам! Дай два-три рубля! Я сломал Мишкин велосипед. На Минутке есть хорошая мастерская (мне говорили ранее ребята, у кого были велики), там должны отремонтировать!

– Откуда я возьму такие деньги? Ты вечно куда-нибудь вляпаешься! Нечего кататься на чужих велосипедах!

– Ну, так купите мне! Хоть старый! Сколько прошу об этом! Не дашь денег на ремонт, я не знаю, как везти такой велосипед к Мишке. Посмотри сама! Он не простит мне этого! Рассоримся! Больше никогда он мне не даст покататься! Мать еле-еле наскребла два рубля пятьдесят копеек:

– Теперь два дня будете без хлеба и молока!

На рынке Минутки быстро нашёл нужную мастерскую. Протянул два рубля пятьдесят копеек:

– Дяденька! Больше нет! Велосипед чужой! Не поможете, меня прибьют!

Добрый дядька покачал головой, улыбнулся мне. Наверное, вид у меня был, как у побитой собаки! Бросил сразу все дела и отремонтировал велосипед так, что вечером Мишка ничего не заметил.

Наверху над нами постоянно шипела ненавистная бабка Шубиха, беспрерывно ругаясь с Филиппом Васильевичем и матерью. Её брат, колченогий Протас, напившись, тоже ругался, гремел, катаясь по веранде на деревянной самодельной коляске на подшипниках. С детства он был инвали-

дом. Маленькие недвижимые ножки-колбаски были уложены на деревянную площадку и прикрыты куском материи.

Это создавало впечатление, что перед вами инвалид войны. Поэтому ему охотно подавали деньги отдыхающие в городе, куда он ездил довольно часто. Мощными руками, упираясь в землю через деревянные подручники с резиновыми набойками, он довольно легко толкал своё тело в гору или ехал с горы. На базаре Протас напивался в стельку и потом долго добирался до дому.

Не раз и не два мы с Филиппом Васильевичем вытаскивали пьяного Протаса из оврага, который пересекал нашу улицу. Грязного, его несли на руках, а он пьяно материл нас «на чём свет стоит». Прожил Протас довольно долго. Лет десять вся Овражная улица (а напротив нашего дома находилась водопроводная колонка, к которой ходили со всей улицы) видела в окне веранды второго этажа дома, излюбленного места Протаса, его всклокоченную голову.

Бабка Шубиха не окончила ни одного класса школы, всю жизнь не работала, перебиваясь торговлей фруктами с сада. Нилка Пашкова – её внучка и её мать Нина довольно приветливо относились к нам и рассказывали:

– Бабушка наша – неистовая религиозная фанатичка! Она знает только церковь, базар и дом! Ни разу в жизни никуда не выезжала из города, не ходит в кино, ничего, естественно,

никогда не читала, не слушает даже радио! У неё нет подруг и даже знакомых. Всех она ненавидит. С нами постоянно ругается, как и с братом Протасом. В общем, люди каменного века! Ох, и трудно нам с мамой жить с ними!

Нилка училась в восьмом классе нашей школы и после окончания её четыре года подряд поступала в Саратов на юридический факультет. Но поступила! После окончания долго работала в городской милиции.

Как-то Мишка Скворенко пригнал ко мне на Овражную почти новый велосипед. На раме лейб – «ЗИФ». Это был явно не его велик – высокий, покрыт зелёным лаком, с фонарём и звонком. Уж не помню, что он ответил на мой вопрос:

– Откуда он у тебя?
Улыбаясь, сказал:

– Цока! Оставляю у тебя его на два дня! Выпроси у матери двадцать пять рублей и он твой! Грошевая цена! Он стоит вдвое дороже! Покупай, и твоя мечта исполнится! У тебя будет превосходный велас! Таких великов ни у кого из наших ребят нет!

Два дня велосипед стоял во дворе, дразня меня. Два дня умолял мать и Филиппа Васильевича купить мне его! Пла-

кал, ругался, обещал исправиться, слушаться их, учиться дальше, не дружить больше с Беляевыми и т. д. Всё бесполезно! Мать и Филипп в один голос твердили:

– Откуда мы возьмём такие деньги? Тебе баловаться, а нам на что жить?

Так и не купили они мне велосипед! Не накатался я на велосипеде досыта ни в детстве, ни в юности! Не баловала нас жизнь, не баловали нас родители. А, может, и правильно делали?

Рядом с нами жили соседи Тучины, Скобликовы, Зайцевы и другие. С Василием Тучиным много лет работал Пастухов на строительстве городской больницы плотником в одной бригаде. Василий был добрый мужик с приглядной внешностью, немногословный, работающий. С Филиппом они любили выпить после работы рюмку, другую. И начинались у них после этого пространные разговоры. Меня Тучин уважал и к мнению всегда прислушивался, особенно после армии.

Мать дружила с соседкой Скобликовой Лидкой. Бабёнка лет тридцати-сорока, полненькая, красивая, голубоглазая. Она ежедневно приходила к нам и тайком от мужа курила у нас, беседуя с Анной Филипповной. Идёт ли в магазин, по воду или мимоходом, обязательно зайдёт к нам. Тары-ба-

ры. С час накурится, наговорится, спохватится, уйдёт. Была очень хорошая и добрая тётка – часто приносила нам гостинцы. С мужем, видать, не ладила. Мы к ней привыкли, как к своей родственнице – даже огорчались, когда её долго не было.

Запомнился один вечер. Сидели втроём – она, мать и я. Что-то я «тёте Лиде» долго и увлечённо рассказывал, а мать гладила бельё. Лида, покуривая у печки, внимательно и как-то странно смотрела на меня. Она была чуть навеселе, и её непонятный хмельной взгляд смутил меня. Я замолчал и вышел на веранду и только хотел пойти в сад, как через закрытую дверь услышал:

– Нюска! Колька у тебя как вырос! Красивый стал. Какие полные губы у него! Вот какая-то девчонка с ним нацелуется! Смачные губки!

– Да, сын у меня красивый. Да вот хулиганит! Скорей бы школу окончил! Надо его от Беляевых спасти!

Слова Лидки меня поразили! После её ухода долго рассматривал себя в зеркало шифоньера. Оказывается, я не такой уж и плохой, как себя считал! Но с тех пор как-то побаивался оставаться наедине с «тётей Лидой».

Серёжке исполнилось два года. Он рос здоровым и горластым бутузом. Мать не работала, и соседи приносили к ней (разумеется, за плату) своих маленьких детей для присмот-

ра. В то время детских садов ещё не было

Ну, и последние из соседей – Зайцевы. У них была дочь Лида, которую я вскоре полюбил и чуть не женился. Белокурая, синеглазая, стройная Лидка в цветастом платье с самого начала привлекла моё внимание. Она часто приходила со своей подругой Лидкой Задорожко к нашей колонке за водой, и я через занавески на окошках любовался ею. С годами любовь моя к ней усиливалась, но... об этом позже.

Гл. 5 Выбор пути

Я заканчиваю десятый класс, а впереди начинается новая жизнь, новые интересные события. Вернусь только к двум эпизодам.

Слева направо: бабушка Оля, мама, я, Серёжка, бабушка Фрося, Филипп Васильевич.

У матери была двоюродная сестра Анна – добрая тётка, рыжая, с вечно покрашенными губами и неизменной сигаретой. После Колпаковой Кати это была наша ближайшая родственница. Она постоянно приходила к нам, помогала, чем могла. Анна работала контролёром в кинотеатр «Про-

гресс», который впоследствии снесли. Мы ходили к ней в кино, так как она пускала нас без билетов.

Как-то я пригласил в кино Колпакову Нельку, пообещав мороженое и лучшие места. В дощатом, полукруглом, тина ангара, кинотеатре шёл фильм «Бродяга». Все в городе только и говорили о нём.

Мы ещё не доели мороженое, как внезапно в зале зажёгся свет – фильм остановили. К нам подошла какая-то крикливая женщина и на глазах всего зала выгнала из кинотеатра. Тёти Ани не было! Я понял, что эта тётка просто «подсидела» её. Мне было очень стыдно! А ещё стыднее было смотреть Нельке в глаза, ведь это была уже взрослая девушка! Мы, не глядя друг на друга, сухо попрощались, а я поклялся больше не ходить в

кино без билетов. И это был, действительно, мой последний безбилетный «поход в кино».

Вот и закончена школа. После торжественной линейки, когда директор зачитал моё сочинение, пропитанное патриотизмом и пафосом, к нам с Мишкой подошёл наш товарищ Володя Капустин и спросил:

– Ну, что ребята! Куда дальше? В институт или техникум? Решили?

Скворенко сразу ответил:

– Что даёт учёба? Я ни в коем случае учиться дальше не буду. Пойду на стройку штукатуром. Цока! Пошли вме-

сте!

Я ответил:

– Тебя же в этом же году заберут в армию. А студентам дают отсрочку.

– Ну и что? От армии всё равно не открутишься. Годом позже, годом раньше, какая разница?

Капустин раздумывает:

– Миха! А почему именно в штукатуры?

– У меня есть друг Пепка (это прозвище). Так вот, его отец работает штукатуром-плиточником всю жизнь. Денег у него невпроворот! Шабашек, хоть отбавляй! Очередь к нему! А что учёба? Академиками мы не станем, в начальство не пробьёмся, везде блат и нужна рука! Так что решайте! Цока, что молчишь?

Я ничего не сказал о том, что давно решил для себя стать лётчиком! Постоянно таил эту задумку, так как знал, что Мишка обязательно бы высмеял моё решение:

– «Это недостижимо для тебя».

Только и сказал:

– Подумаю. Ты, наверное, прав!

Всё дело теперь заключалось в аттестате зрелости. Получу его и в аэроклуб! Но нам с Мишкой его не отдавали, так как Варвара Фёдоровна потребовала от нас пересдачи экзамена по химии. Это была явная месть за неуважение к ней, месть за груши и досада за то, что мы заканчивали школу,

и уходили от неё «непокорёнными». Для гордой, чернявой, властолюбивой

учительнице это было очень важно, хотя она сама прекрасно сознавала, что мы со Скворенко знаем химию не хуже остальных. Мишка наставлял меня:

– Цока! Не вздумай покоряться ей! Не ходи на пересдачу! Пусть будет тройка! Куда она денется! Всё равно поставит трайбак!

Но аттестат не отдавали и страсти накалялись. Мать и меня неоднократно вызывали в школу, но я упорствовал. Филипп Васильевич и мать ругались со мной ежедневно, требовали покориться, ходили и к Скворенко, но мы держались. Мать, плача, яростно ругала меня:

– Вечно ты связываешься с шалопаями! Во Вдовино – с дурбалаем Афонькой, здесь, с ворами и хулиганами Беляевыми, а теперь этот штукатур Скворенко! Да разве это профессия? Что тебе говорил Василий Иванович? Ты толковый парень! Учёба тебе даётся легко, не как Шурке. Учись, станешь человеком! Не то, что мы с Филиппом – всю жизнь горбатимся и перед всеми преклоняемся! Сынок, пойми меня, наконец! Я тебе только добра желаю!

И Филипп Васильевич горячился, ругался, умолял, требовал, угрожал.

И я, наконец, прозрел! Спасибо огромное вам, родители, за вашу настойчивость в этот переломный момент! Не знаю, какой бы из меня получился штукатур, но, сделав поворот к учёбе, теперь могу гордиться дальнейшей жизнью, самыми лучшими моими успехами!

Я пошёл, покорился Варваре! Она на радостях поставила сразу же пятёрку по химии!

Аттестат зрелости получил в этот же день.

Как только получил аттестат зрелости, то даже меньше радовался, чем мать и Филипп Васильевич. Они прямо светились от счастья!

На следующий день я уже был в Ессентукском аэроклубе. Начальник отдела кадров проверил мои документы – аттестат зрелости, паспорт, автобиографию, комсомольскую характеристику, справку из поликлиники. Сказал:

– Хорошо! Я выписываю тебе направление на нашу медкомиссию.

Я внутренне сжался, почувствовав угрозу:

– А что? Мало справки из поликлиники?

– Э-э, браток! Ты поступаешь учиться на лётчика! Здесь тебя основательно проверят. Здоровье должно быть богатырским!

Так и получилось! Меня сразу же «зарезали» – вестибулярный аппарат «ни к чёрту» не годился. И впрямь – меня всегда качивало на качелях и на волнах.

Это был крах моей мечты!

Дома даже обрадовались моему поражению. Филипп Васильевич радостно сказал:

– Вот что, друг! Я тебе уже говорил за Липецкий горно-металлургический техникум. Там самая большая стипендия. Будешь жить у моей родни первое время, там и прокормишься, а потом переедешь в общежитие, если не понравится. Там его дают иногородним студентам. Получишь самую высокооплачиваемую профессию! Знаешь, какие деньги зарабатывают металлурги?

Я втайне понимал, что Филиппу Васильевичу и матери надо было просто избавляться от лишнего рта и, одновременно, убрать меня от друзей Беляевых и Скворенко, что тоже было немаловажно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.